

Знание-Власть!

Концептуальное приложение. Срок актуальности информации - не ограничен.

ЗАГОВОРЫ БАНКИРОВ: СССР И США

«Дайте мне управлять деньгами любой страны, и мне нет дела до того, кто и какие законы в ней изобретает...»

Мейер Ротшильд

Газета «МК» (18 и 19.07.07 г., авторы Николай Кротов, Александр Гришин) напечатала большой материал «Заговор банкиров», в котором рассказано, кем и как осуществлялось разрушение банковской системы СССР — основы кредитно-финансовой системы государства, и названы конкретные лица. Мы публикуем статью с некоторыми сокращениями и дополняем ее главой из книги американского историка Ральфа Энперсона «Невидимая рука», посвященной созданию Федеральной системы США.

Рекомендуем довести данную информацию до управленцев различных уровней.

"Московский комсомолец"

К распаду СССР в нашей стране до сих пор нет однозначного отношения. Либералы считают этот исторический факт благом. Консервативные слои населения (в том числе большинство людей старшего поколения) — злом, которое до сих пор не могут простить Ельцину. Молодежь самостоятельного аргументированного мнения по этому поводу не имеет, поскольку в тот период времени в лучшем случае загрязняла пелёнки. В одном все уверены совершенно точно: это случилось 8 декабря 1991 года, когда Ельцин подписал так называемые Беловежские соглашения. И придворные историографы, и жгучие оппозиционеры, клеймящие "банду Ельцина", готовы в ключья порвать последнюю рубашку, отстаивая эту дату. И совершенно напрасно. Потому что фактически распад СССР произошёл на 500 дней раньше. Если точно, то на 513 — 13 июля 1990 года. Именно этим числом датируется принятие Постановления Верховного Совета РСФСР "О Государственном банке РСФСР и банках на территории республики". И многие из тех, кто проклинает Ельцина за распад страны, в тот день поддержали его и голосовали за роковое решение.

Не на жизнь, а за деньги

Чтобы понять, что произошло в тот день и почему, надо вспомнить общую политическую ситуацию в стране в переломный 1990 год. Это был период пика борьбы молодого российского руководства с Центром (так тогда называли правительство СССР). Вся страна разделилась на сторонников и противников Горбачева и Ельцина. Летом 1990 года Ельцин стал председателем Верховного Совета России. Политическая ситуация кардинально изменилась: основной соперник Горбачева из отставного функционера-бунтаря превратился в государственного мужа. Схватка за власть разгорелась с новой силой.

Николай ПЕТРАКОВ, академик, помощник Президента СССР*: "В 1988—1989 годах уже можно было купить любого чиновника. Началось растление капиталом. Диктат пропал, и либеральная интеллигенция заголосила про рынок, о котором она имела совершенно дурацкие представления: человек должен быть экономически свободен, нам нужны новые экономические отношения. А рынок — это прежде всего собственность. И бюрократы понимали это лучше, чем любой экономист-затейник со степенью. Они сразу сообразили: нужно, чтобы валяющаяся под ногами госсобственность стала их и чтобы за это ничего не нужно было бы выкладывать".

Противостояние охватило все направления, и наиболее острым оно было в сфере управления финансами.

До лета 1990 года в СССР существовал Госбанк с сетью отделений, доходящих до всех районов страны. Сеть сберкасс работала с населением. Появившиеся в 1988 году три так называемых спецбанка — Промстройбанк, Агропромбанк и Жилсоцбанк, — хотя и числились самостоятельными, были фактически подразделениями Госбанка.

По словам Валентина Павлова, министра финансов СССР, Госбанк "представлял

собой единый расчётно-кассовый центр. Он контролировал оборот и позволял снизить издержки на расчётно-кассовых операциях, минимизировать наличные деньги, централизовать инкассаторскую службу, концентрировать ресурсы и т. п. Но главное - Госбанк СССР обеспечивал кассовое исполнение бюджета.

Поэтому вопрос о том, куда делись бюджетные деньги, в советской системе просто не мог возникнуть! Любая попытка их "увода" на сторону немедленно попадала бы под статью Уголовного кодекса. Украсть можно только тогда, когда система позволяет это сделать".

Две сотни коммерческих банков, созданных за два года, в 1990 году ещё были слабы, чтобы играть значимую роль в экономике страны. Они обслуживали кооператоров, наиболее смелые проводили операции по превращению наличных денег в наличные. Большинство новых российских банков не просто были неопытными, но и даже не имели элементарного финансового образования. Они исполняли столь незаметные роли в экономической жизни страны, их ещё не стреляли. Стрелять стали гораздо позже. Зато государственные спецбанки имели и профессиональных специалистов, и филиальную сеть, покрывающую всю территорию государства.

В марте вышел Закон СССР о собственности. Было принято постановление о превращении в акционерное общество Жилсоцбанка. Готовились к акционированию Промстройбанк и Агропромбанк. Таким образом, правительство СССР предполагало сохранение их структуры и действовало экономические рычаги для сохранения единого государства.

Николай ПЕТРАКОВ: "В январе 1990 года я помогал Горбачеву готовиться к поездке в Литву, к Бразаускасу. И предлагал сразу пресечь все разговоры о республиканской собственности. Большой театр кому принадлежит?

Это вопрос не собственности, а финансирования. Другое дело — акционерные компании. Я агитировал Горбачева создавать транснациональные компании. Акционировать рижский ВЭФ и контрольный пакет оставить в Москве. И уйдёт от вас Латвия, не уйдёт — собственность уже транснациональная, по всем международным правам. А то сейчас таллинский порт, который строила вся страна, — эстонский. Но Горбачев это не воспринял, так как вообще плохо понимал, что такое акционирование".

Акционерные (негосударственные) союзные банки, если бы они были созданы, сломать или расчленить, а уж тем более присвоить было бы гораздо сложнее. И это совершенно не устраивало российскую элиту. Дело было не только в желании прихватить себе кусочек чего-нибудь, но и в том, что на стол российской власти попадало лишь то, что ей отписывало союзное правительство. А власть без денег — это фикция, как её ни называй. И пока деньги оставались у Горбачева, победить его было невозможно. Сам Горбачёв, как считают участники этой истории, данного факта не понимал, предпочитая договариваться о "нормальных рабочих отношениях".

12 июня была провозглашена независимость России.

Резерв российского командования

Первое, что надо было сделать, чтобы противостоять экономическому Центру, — сформировать команду из знающих и толковых специалистов, которые бы начали работать над документами по отъёму собственности у СССР.

Валерий СКРИПЧЕНКО, зам. председателя подкомис-

сета по банкам Комитета Верховного Совета РФ по бюджету и налогам: "В июне 1990 года мне позвонил Сорвин (начальник Свердловской областной конторы Госбанка. — Ред.) и говорит: "Слушай, в Москве началась приватизация специализированных государственных банков чиновниками правительства СССР. Надо что-то делать. Потому что пока мы будем реализовывать наши планы — станет поздно. Основные банки будут приватизированы". В ближайший приезд в Москву я сразу пришел к Ельцину и передал ему озабоченность земляка. У меня к Ельцину тогда вход был свободный. Борис Николаевич выслушал и говорит: "Готовь постановление!" Но легко сказать: подготовить постановление! Для этого нужны специалисты. Я позвонил Олегу Тарасову (руководителю Российской республиканской конторы Госбанка) и говорю: "Назовите мне, пожалуйста, 15 лучших банкиров России". Он мне назвал. Я позвонил Сорвину (он в то время был мой главный банковский советник) и его тоже попросил назвать 15 лучших. Потом сложил оба списка. Отобрал тех, которые попали в оба, то есть ценились и Москвой, и периферией. Значит, действительно хорошие люди. Так была сформирована рабочая группа по разработке Постановления Верховного Совета России "О банках России". И мы начали писать".

В команду вошли руководители региональных контор Госбанка и некоторые особо продвинутые владельцы коммерческих банков из регионов. И те и другие к тому же были обижены на союзное московское руководство.

Владимир РАССКАЗОВ, председатель подкомитета по банкам Комитета Верховного Совета РФ по бюджету и налогам: "Мы понимали, что участвуем в революционном процессе. Идёт смена государственного и общественно-политического строя!

Всё — от составления списков до приглашения — было личной моей инициативой, не согласованной ни с кем. Госбанк СССР в то время уже выражал к нам снисходительное презрение и на контакты с нами — "выскачками" — не шёл. Они, дескать, мэтры, и не нам, дескать, всякой шелупони, таким серьёзным делом заниматься!

Председатель Союза промышленников и предпринимателей Аркадий Вольский, который всегда был сторонником В. В. Геращенко, однажды с большой трибуны заявил о нас как о людях, которые не отличают дебет от кредита. Но мы на эти выпады внимания не обращали".

Георгий ДЖАВАШВИЛИ, председатель "Форум-банка" из Челябинска: "В жаркий полдень 12 июня получаем известие: только что принято постановление Верховного Совета СССР об акционировании спецбанков... Мы прекрасно понимали, чем грозит это для независимости банков Российского государства. Ах, они так — тогда давайте создавать Государственный банк Российской Федерации!

Я сидел ошалевший: вот пробил час. Государственный банк Российской Федерации — это же надо! Валера как депутат-свердловчанин связывается с Ельциным. Ельцин дает команду: мужики, в шесть часов вас ждёт Силаев, а в девять часов — ко мне. Всё — вперед, поехали! И вот мы, человек семь, садимся в старый инкассаторский "ГАЗ-53" и едем в Белый дом, на Краснопресненскую набережную.

Рождалось всё спонтанно. Сидели часов до двух ночи. После разговора с Силаевым Ельцин уже не сомневался в необходимости создания Государственного банка России. В принципе всё было решено в тот же вечер. Надо срочно писать записку на утверждение Верховного Совета Российской Федерации.

Написали мы за ночь обоснование, записку для Верховного Совета. Наутро её откорректировали, отпечата-

ли, а внизу — все наши фамилии! Юрий Агапов (председатель “Кредо-банка”) волнуется: а нас потом не расстреляют? Отдельно там было о создании Государственного банка Российской Федерации. Это была грандиозная бомба! Очевидно, с этого дня началась история зарождения самостоятельной российской банковской системы*.

Дмитрий КУРИЛОВ, управляющий Воронежской областной конторой Госбанка СССР: “9 июля 1990 года управляющий Российской республиканской конторой Госбанка Тарасов вызвал шестерых начальников областных управлений Госбанка: А. В. Бездольного (Калинин), В. В. Рудько-Селиванова (Приморье), Т. А. Пигалову (Рязань), С. В. Сорвина (Свердловск), К. Б. Шора (Москва) и меня. В кабинете присутствовали, кроме Тарасова, два депутата Верховного Совета РСФСР В. В. Скрипченко и В. П. Расказов. Разговор начал Скрипченко сообщением о том, что Борис Николаевич Ельцин поставил вопрос, как нам создать собственную российскую банковскую систему, как вывести из подчинения союзного Госбанка Российской республиканский банк.

Во второй половине дня поступило указание срочно отправиться всем в Дом правительства. Первая встреча состоялась у Хасбулатова, следующая — у Явлинского. Кстати, сильной разницы позиций у Хасбулатова и Явлинского я не заметил, оба были озабочены действиями Центра и искали пути увеличения самостоятельности российских структур, но Хасбулатов вел разговор напрямую, а Явлинский осторожничал, задавал нам много вопросов, наводя нас на ту же мысль”.

Очень характерная деталь: одни из участников “заговора банкиров” принимали в нём участие с самого первого дня, других же подтаскивали в последний момент. Скорее всего, чтобы, с одной стороны, не было преждевременной утечки информации, а с другой — чтобы они придали коллективный характер заранее сформулированному и представленному им практически готовым решению.

К 12 июля текст проекта постановления фактически был готов. Он начинался с преамбулы: “Существующая система банков является полностью принадлежностью Союза ССР, подчинена правительству СССР и в своей деятельности нацелена на реализацию политических и экономических мер союзных органов. В последнее время принимаются ускоренные шаги к трансформации банков, их структурных подразделений, к законодательному закреплению монополии банков в руках союзных органов власти”.

Но главной ударной силой документа было предложение “немедленно принять постановление Верховного Совета РСФСР о передаче всей действующей на территории РСФСР сети банков и их учреждений в ведение и собственность Российской Федерации”.

От российского правительства документ завизировали тогдашний министр финансов Борис Федоров, Григорий Явлинский, как зампред, курирующий финансы и экономику, и премьер России Иван Силаев.

Всё было готово к штурму, который Ельцин назначил на следующий день. О чём некоторые участники “заговора банкиров” и не догадывались, полагая, что впереди у них ещё много времени для совершенствования документов. И хотя решение буквально висело на волоске, Ельцин не оставил никаких сомнений в том, кто в доме хозяин.

* Здесь и далее должности лиц указаны в соответствии с занимаемыми ими постами на тот период времени. — Ред.

Это есть наш последний и решительный бой

Валерий СКРИПЧЕНКО: “Обсуждение назначили на субботу, 13 июля. Это было последнее заседание Верховного Совета перед отпуском Ельцина. Заседать должны были полдня, после он улетал в Прибалтику, его уже самолет ждал. Неожиданно в день заседания меня вызывает Явлинский. Мы с ним сели за стол, он и говорит: “Забери свое постановление!”. Я удивился: “Почему?”. Отвечает: “Потому что мы сейчас готовим более широкое постановление. В нём расширим перечень того, что мы у СССР отбираем”. Я говорю: “Я у Силаева был вчера в 9 вечера. Он ничего мне не сказал! Когда вы успели договориться? У меня в зале специалисты сидят, все готово. Опять же, везде есть ваши росписи”. Он отвечает: “Так надо: делать постановление шире. В нём должна идти речь и о промышленности. Ваше постановление предупреждает союзные власти о нашем замысле. Мы их этим постановлением вспугнём!” Позвали Хасбулатова. Но он так ничью сторону и не принял.

А Явлинский в это время нашёл в нашем документе ошибки и сделал серьёзные грамотные замечания по нашему проекту постановления. Я понял, что он прав, и признал ошибки. Григорий Алексеевич меня предупреждает: “Если ты выступишь, то я у всех микрофонов своих людей поставлю — Геращенко, Тарасова, сам встану. В зале ведь нет других авторитетных профессиональных банкиров. Никто из депутатов не разбирается в этом документе. А мы все выступим. Раздолбаем тебя, безграмотность постановления покажем. Поэтому лучше не вылезай”.

Что делать? Я собрал несколько человек. Поставил задачу. Исправленный документ должен был вновь пройти четыре службы Верховного Совета. В обычных условиях на каждую сутки требовалось. Но у меня были хорошие отношения с аппаратом ВС. И поэтому я в течение часа всех обошёл, бумаги отредактировал, завизировал, размножил. К двум часам успел. Во время этого кросса мне попался на пути депутат Ткачёв. “Я тебя поздравляю!” — говорит. Я удивился: “С чем?” А он отвечает: “Твое постановление приняли”. Затем меня позвали к Явлинскому. Я беру банкиров, и мы идём в правительственное крыло, к Явлинскому. Григорий Алексеевич сидит злой, обматерил наших банкиров за ошибки и обращается ко мне с упреком: “Что же ты пользуешься хорошими отношениями с Борисом Николаевичем для продвижения неграмотных документов?” Но я отвечаю, что с Ельциным не разговаривал. Затем спрашиваю: “Что в документе безграмотного?” И даю ему новое постановление. Когда он узнал, что я успел за это время сделать, рассмеялся, и рассказал, как там было”.

А было там весьма интересно. Борис Николаевич Ельцин в тот день продемонстрировал своё умение выстраивать тактику работы с парламентом так, что ему мог позавидовать самый прожженный интриган.

Виктор РУДЬКО-СИЛИВАНОВ, управляющий Приморской краевой конторой Госбанка СССР: “13 июля был последним днём заседания Верховного Совета перед летними каникулами. Вопрос должны были слушать первым, но по каким-то причинам рассмотрение откладывали. В зале появился Иван Степанович Силаев, потом Виктор Владимирович Геращенко. Председатель Госбанка СССР хотел выступать в прениях, но почему-то ушёл, не дождавись нашего вопроса. Ушёл из зала и Силаев. Как оказалось, им сообщили, что вопрос о Госбанке не будет рассматриваться.

Около 12 часов нас пригласили в большой кабинет, находящийся рядом с залом заседания. Там уже были Хас-

булатов, Воронин и Явлинский. И Руслан Иманович нас спрашивает: “Что будем делать с законом?” Мы удивились такой постановке вопроса, было ведь решение — принимать! “Если вы хотите управлять процессом, если хотите, чтобы ваши указания выполнялись, то закон должен быть принят!” — предъявил я последний аргумент. А перед перерывом новую версию постановления мы подготовили. Не успев размножить, передали её в президиум. Ельцин предложил его принять. Борис Федоров стал возражать, говоря, что у него есть более важные проекты по денежному обращению, и предложил обсудить их. Ельцин отверг это предложение”.

Константин ШОР, управляющий Московской конторой Госбанка СССР: “На следующий день нас вызвали на заседание Верховного Совета. Мы находились за кулисами, дорабатывали текст. К нам присоединился Г. Г. Матюхин. Посетил нас и Г. А. Явлинский, заявивший, что мы занимаемся “чушью”. Надо признать, что его рыночные взгляды в то время считались значительно более рыночными, чем у авторов нашего закона. И его слова о том, что нельзя заниматься реформированием банковской системы, пока страна не определится с собственностью, сейчас я считаю, были абсолютно правильными”.

Дмитрий КУРИЛОВ: “13 июля утром нам было велено приехать в Верховный Совет на заседание. Появился В. - В. Геращенко и вместе с И. С. Силаевым сел в первый ряд. Виктора Владимировича позвал Тарасов, он мне признался, что накануне заседания не спал всю ночь, думал, что же будет. Вопросы эмиссии, деньги, резервные фонды — все было тогда в союзном Госбанке. Как повернуть такую махину!

Тем временем рассматривались вопросы, не относящиеся к банкам. Наше постановление в повестку дня не попало. Силаев и Геращенко первый ряд покинули. Виктор Владимирович вначале затерялся на боковом балконе среди прессы, а через некоторое время, потеряв терпение, вообще ушёл с заседания.

И вот объявляют окончание заседания, а оно должно было стать последним в сессии, после депутаты разъезжаются на каникулы. И в этот момент Ельцин (а он мастак в этих вопросах) обращается к залу: “Одну минуточку, ещё один вопрос”. Зал в замешательстве. Борис Николаевич продолжает: “У нас работала группа крупных специалистов по реформированию банковской системы. Они подготовили постановление. Проект вам роздан”. Кто-то из депутатов попытался возразить: “Вопрос сложный, его надо обсудить, проработать”. Но он тут же был одернут Борисом Николаевичем: “Нет необходимости обсуждать, все уже проработано”. Появился Воронин (председатель комиссии ВС по бюджету. — Ред.) и предпринял попытку выйти на трибуну и вступить в дискуссию. Ельцин его решительно остановил: “Садись!”

Те, кого Явлинский расставил у микрофонов, к тому времени уже разошлись, а как констатирует один из участников той истории: “Когда Ельцин так сказал, кто решится выступить и сказать, что постановление это дерьмовое?”

Впрочем, нюансы касались не только выбора времени. Ведь сохранить в тайне деятельность рабочей группы было невозможно. И руководство РСФСР нашло пряник для тех, кто мог выступить против нужного ему решения.

Юрий ТРУШИН, зампред Агропромбанка СССР: “Помню, как мы, представители всех спецбанков, 13 июля пришли на заседание Верховного Совета. С нами был и председатель правления Госбанка СССР Геращенко. Узнали мы о рассмотрении важного вопроса, касающегося банков, буквально накануне. Проникли в зал по пригласи-

тельным билетам нашего российского филиала. Я пришёл как эксперт.

Выступить с единой позицией мы очень просили Тарасова, возглавляющего тогда Российскую республиканскую контору Госбанка СССР. (Получается, они не знали, что Тарасов был одним из авторов проекта. — Ред.) Однако он отказался. Нам нужен был представитель российской банковской структуры, мы-то были союзные. И нас на дух не переваривали. В результате решили, что от банкиров выступит Николай Лихачев. Передали в президиум Ельцину записку с просьбой предоставить слово. Однако в планы Бориса Николаевича это не входило. Он прочитал и скомкал записку, не зачитав её.

Все было сделано очень четко и заняло секунд 17! В конце заседания Ельцин сказал примерно следующее: “Есть ещё один вопрос на рассмотрение. Вопрос проработан, и я считаю, что за него надо проголосовать”. И всё! Ни одного голоса “против” не было.

Аграрники и коммунисты, которых мы поднимали на борьбу, промолчали. Перед этим, буквально 15 минут назад, решением Верховного Совета была списана ссудная задолженность с сельскохозяйственных предприятий. Не помню точной суммы, но на десятки миллиардов долларов. Депутатов купили, и они после этого сидели в благостном состоянии. Я потом спрашивал Харитонову, лидера аграрников, чего же он голосовал за такое решение. И он мне честно ответил: “Самостоятельность финансовая, банки... Непонятно мне это. А списание долга ясно и близко!”

“Есаул, есаул, что ж ты бросил коня?”

Однако последнее слово оставалось всё ещё за руководством СССР. Незадолго до описанных событий Президент СССР получил от съезда народных депутатов чрезвычайные полномочия, которые позволяли ему отменять или приостанавливать действие любых законов республик СССР, которые противоречили общесоюзному законодательству. Мало кто сомневался, что Горбачев отреагирует адекватно ситуации.

Госбанк СССР во главе с Геращенко, во всяком случае, исходил именно из этого, когда готовил проект президентского указа, отменявшего постановление ВС РСФСР. На совещание у Горбачева по этому вопросу, как вспоминал Валентин Павлов, бывший тогда министром финансов СССР, председатель союзного правительства Николай Иванович Рыжков не пошёл, а защиту указа поручил ему. Хасбулатов, возглавлявший российскую делегацию, заявил, что полностью согласовал с Ельциным свою позицию — с имперскими замашками центра покончено раз и навсегда. Горбачев же, по воспоминаниям Павлова, взял себе на вооружение выражение “имперские замашки”, упрекнул Геращенко в нежелании перенимать “мировой опыт” и покинул совещание, бросив на прощание: “Ладно, вы тут сами без меня решите, у нас ведь демократия!”

Немногом позднее Геращенко сообщил Павлову, что Президент СССР не воспользовался своим правом и отказался подписывать указ.

До Фороса (ГКЧП в августе 1991-го) оставался год, до Беловежских соглашений ещё больше, но, отказавшись от борьбы, Горбачев фактически уже предрешил судьбу государства.

Константин ШОР: “После того, как прозвучало, что рубль имеет границы, государство под названием СССР фактически прекратило свое существование”.

7 августа председателем Госбанка РСФСР был назначен Георгий Матюхин.

Георгий МАТЮХИН: "Первая наша задача состояла в том, чтобы разбить три банка-супермонополиста и создать на основе их филиалов сеть коммерческих банков. Экономика страны была монополизирована, и я понимал, что если мы разрушим монополию банковской системы, то это поможет демополизации в других сферах. Это была стратегическая задача".

Николай ПЕТРАКОВ, академик, помощник Президента СССР: "Началась пещерная драка между Госбанками. Геращенко (Госбанк СССР) ограничивал денежную массу, а национальные банки действовали безответственно с точки зрения кредитно-денежной системы, выдавая ничем не подкрепленные кредиты. Тогда же появились первые денежные суррогаты, выпускаемые республиками. Денежная система стала разваливаться. Горбачёв по большому счёту не понимал, что происходит. Когда его предупреждали, он соглашался, но не предпринимал никаких шагов.

Несколько стычек произошло в августе 1990 года между Горбачевым и Ельциным по поводу золотого запаса и того, кому Якутия должна ссыпать свои алмазы. Борис Николаевич понимал в экономике ещё меньше, чем Горбачёв, и поэтому подсовывал на переговоры Хасбулатова. Золото, валютный резерв были для Горбачева символом, а то, что и без этого резерва его могут раздеть, он не понимал".

Танцуют все

И началась вакханалия. Это позже, когда Ельцин уже был обременён полной властью, прозвучал знаменитый тезис о том, что "демократия — это не вседозволенность".

Яков ДУБЕНЕЦКИЙ, председатель Промстройбанка: "Было решено закрыть головные конторы спецбанков, заставить под дулами пистолетов филиалы превращаться в самостоятельные банки. Это было глупостью. В стране крупным предприятиям требовались для работы, в первую очередь для кредитования, крупные банки. Зачем их было разрушать?"

Я дал указание своим подчинённым не выполнять указаний Ельцина и Хасбулатова, т. к. мы союзная структура. Долго мы воевали, но сила была за ними. Вызывался руководитель нашего филиала в ЦБ, и ему приказывали — либо ты прекращаешь работать вообще, либо превращаешься в самостоятельный банк".

Вячеслав ЗАХАРОВ, зампред Госбанка СССР: "За оставшееся до конца 1990 года время Госбанк РСФСР организовал повальное акционирование подавляющего большинства филиалов спецбанков. Уставы поспешно создаваемых на их базе коммерческих банков писались и регистрировались по несколько штук в день. Где уж тут было думать об экономической целесообразности организации, перспективах банков, "выпекаемых" со скоростью пончиков.

По существу, это означало проведение очередной кампании, которых в нашей стране и раньше было немало. Если когда-то крестьян загоняли в колхозы, то теперь всех банкиров — в коммерческие банки. На 1 апреля 1992 г. в России было 1 414 банков, из них 767, или 55 %, создали на базе бывших спецбанков, в основном в конце 1990-го".

Людмила ЗАЙЦЕВА, руководитель Курского отделения Жилсоцбанка: "Постановление о коммерциализации было очень жёстким: до 1 октября упразднить российские спецбанки. Не было даже принято во внимание, что при этом нарушалось трудовое законодательство, по которому следовало предупредить людей за два месяца о предсто-

ящем увольнении. По-революционному махнули шашкой — и баста!

Вызвали нас в Москву. Представитель Верховного Совета РСФСР, который курировал банковскую систему, Рассказов, собрал на Житной улице представителей спецбанков всех регионов России, центрального аппарата Российского банка, Госбанка СССР. Рассказов разве что ботинок не снял и "кузькину мать" нам не показывал!

Но кулаком стучал: "Кто не коммерциализируется до 1 октября, мы всех утопим в крови народа!" Цитирую дословно, у меня записано".

Валерий СКОПИНЦЕВ, начальник Воронежского областного управления Жилсоцбанка: "Это было в двадцатых числах октября 1990 года. Здание Центрального банка на Житной, что рядом с Октябрьской площадью, было чем-то похоже на Смольный в период Октябрьской революции, когда Ленин входит в Смольный и видит: тут рабочие ополченцы спят, обнявшись с винтовками, там сгруппировались матросы, опоясанные пулеметными лентами, а навстречу бежит солдат с котелком в руке в поисках кипятка... Сюда, на Житную, 12, как в Мекку, стекался отовсюду российский люд, жаждущий утвердить свои коммерческие интересы на ниве банковского дела. Очереди, толпы, все бежали по кабинетам с уставами: тут их проверяет юрист, здесь — бухгалтер, там — кто-то ещё. Не у всех все было гладко. И они куда-то звонили, что-то выясняли, спорили, и, устав от повседневных бдений, одни дремали на столах, другие что-то жевали, а некоторые, не мудрствуя, на стульях предавались объятиям Морфея. Интересная деталь: все мы привезли свои уставы, которые обсуждались на общих собраниях акционеров или пайщиков, а их приказали выкинуть в корзину. Сказали, что наши уставы им читать некогда. Дали нам заготовленный текст устава (болванку), мы вписывали в оставленные пробелы названия банков, адрес, сумму капитала и отдавали на проверку. Названия менялись на ходу. Мой коллега из Смоленска назвал свой банк "Феникс", а ему сказали: "Феникс" уже есть, меняй!" Он пытается объяснить, что он не вправе это сделать, потому что так собрание решило. А ему: "Тогда откатывайся назад, собирай новое собрание и переименовывай". Из двух зол он выбирает наименьшее — зачеркивает "Феникс" и пишет: "Днепр". Мой земляк из Воронежа ехал регистрировать "Меркурий", а вернулся с "Коопбизнесом".

Новорожденные коммерческие банки с первых дней столкнулись с массой проблем. Поскольку новая система создавалась росчерком пера и безальтернативно, вчерашние клиенты государственного банка автоматически становились клиентами коммерческого банка, за исключением бюджетных организаций, которые могли обслуживаться в ЦБ. И они приходили в коммерческие банки со своими безрадостными атрибутами — огромной ссудной задолженностью бывшим спецбанкам. Ведь к тому времени предприятия были обеспечены оборотными средствами в среднем на 30 %. Остальное замещалось кредитом. Но когда собственность банков отделилась от собственности клиентов, то, как сказал бы принц Гамлет: "распалась связь времён". Коммерческие банки уже не могли продолжать кредитные отношения такими, какими они были в условиях государственной собственности. А незащищенность банков открыла двери перед криминалом. Но самое главное заключалось в том, что в результате "спекоперации", которую можно назвать "заговором банкиров", СССР остался без финансов и лишился реальных экономических рычагов воздействия на республики. Счёт остатка его жизни пошёл на дни.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ РЕЗЕРВНАЯ СИСТЕМА США

...После целого ряда неудачных попыток убедить американский народ в необходимости иметь Центральный Банк, втягивая его для этого в серию войн, международные банкиры, связанные с заговором, решили изменить свои методы. С этой целью, вместо использования войн, они будут убеждать доверчивых американских граждан, что тем необходим центральный банк, используя искусственно созданные депрессии, спады и паники.

Международным банкирам было не трудно создать банковскую панику.

По самой природе банковского дела банкиры знали, что лишь малая часть вкладов, размещенных в банке вкладчиками, изымается вкладчиками в какой-то из конкретных дней. Поэтому только малая часть вкладов, скажем двадцать процентов, находится в банке в любой данный момент. Остальные восемьдесят даются в долг заемщикам под проценты; а они, в свою очередь, тоже вкладывают их в Средства Производства или Предметы Потребления.

Вследствие этого банкирам легко вызвать банковскую панику, то есть массовое изъятие вкладов, убеждая вкладчиков конкретного банка, что банк был бы неплатежеспособен и не имел денег для выплаты вкладчикам, вздумай они изъять свою наличность.

Новость, что такой-то банк не имел в наличии вкладов своих вкладчиков, побудила бы остальных вкладчиков других банков тоже изъять свои средства, чтобы наверняка обезопасить их вклады. То, что началось бы массовым изъятием вкладов из отдельного банка, завершилось бы полноценной паникой в масштабах всей страны.

Человека же, давшего оценку банковской неплатежеспособности, признали бы пророком высшего ранга.

Банки, которые подвергнутся массовому изъятию вкладов, потребуют от тех, кому они ссудили деньги, их возврата, и все будут усиленно стремиться продать имущество, чтобы выкупить заложенные. Если это произошло одновременно, цены на имущество станут падать, позволяя людям с лишними деньгами покупать собственность по сниженной цене. Запланированная паника может работать по двум направлениям: **банкиры, зная о ее приближении, могут изъять свою наличность до начала паники, а затем вернуться на рынок для покупки Средств Производства по сниженным ценам.**

Таким образом, это превратилось в могущественное оружие в руках тех, кто хотел изменить нашу банковскую систему, в которой работали отдельные банкиры, на такую, где маленькая группа банкиров управляла бы национальным банком. Тогда банкиры обвиняли бы действующую теперь банковскую систему во всех бедах экономики.

Но более важно, что международные банкиры, создавшие проблемы, могли предложить свое желанное решение: **центральный банк.**

Итак, тактика изменилась: от разжигания войн к созданию банковской паники, чтобы повлиять на американский народ для создания постоянного центрального банка.

Одним из инициаторов этого движения был Дж. П. Морган, чей отец являлся одним из агентов Ротшильда и сделал огромное состояние, прорывая блокаду, установленную президентом Линкольном во время Гражданской войны.

Первая серьезная паника была создана международными банкирами в 1893 году, когда местным банкирам по всей стране было предложено потребовать возврата своих займов. Сенатор Роберт Оуэн "... дал показания перед комиссией Конгресса, что принадлежавший ему банк получил от

Национальной ассоциации банкиров впоследствии ставший известным "Циркуляр о Панике 1893 г." Он гласил: "Вы немедленно изымете одну треть ваших денег из оборота и потребуете возврата половины ваших ссуд..."

Банкиры создали панику не тем, что сообщили американскому народу о неплатежеспособности банков. Они выпустили циркуляр, чтобы эту панику вызвали сами банкиры. Они будут придерживаться той же стратегии и в дальнейшем.

Дж. П. Морган, представитель интересов Ротшильдов, готовил следующее запланированное мероприятие по созданию центрального банка Америки. В начале 1907 года Морган провел в Европе пять месяцев, курсируя между Лондоном и Парижем - резиденциями двух ветвей банкирской семьи Ротшильдов.

Вероятно, причина пребывания Моргана в Европе состояла в принятом решении о том, что Морган должен был повергнуть Америку в банковскую панику. Вернувшись, он стал распространять слухи, что Knickerbocker Bank в Нью-Йорке неплатежеспособен. Вкладчики банка перепугались, поскольку думали, что Морган, являясь известнейшим банкиром того времени, мог оказаться совершенно прав. Их паника дала толчок массовому изъятию вкладов из банка. Морган оказался прав, и паника у Никербокера послужила причиной массового изъятия вкладов и в остальных банках: Паника 1907 года окончательно оформилась.

Почти сразу же была развернута пропаганда, что банкирам, имеющим устав, утвержденный властями штата, нельзя более доверять банковские дела страны. Из-за паники 1907 года, по крайней мере так утверждали заговорщики, необходимость центрального банка стала очевидной.

Историк Frederick Lewis Allen, публиковавшийся в журнале "Лайф", узнал о заговоре. Он писал: "... иные хроникеры пришли к остроумному выводу, что группа Моргана воспользовалась неустойчивой обстановкой осени 1907 года, чтобы вызвать Панику, расчетливо направляя ее по мере развития так, чтобы она уничтожила конкурирующие банки и упрочила несомненное превосходство банков, входящих в сферу деятельности Моргана".

Но основной упор при объяснении причин Паники 1907 года был сделан на то, что американскому народу был необходим сильный центральный банк, чтобы предотвратить злоупотребления "банкиров Уолл-Стрита": *"Если, в конце концов, что и убедило Конгресс в необходимости лучшего управления банковскими делами государства, так это одна сильная встряска: Паника 1907 года. Паника улеглась. Растет агитация за эффективную национальную банковскую систему"*.

Итак, американский народ, пострадавший от американской революции, войны 1812 года, борьбы Эндрю Джексона со Вторым банком Соединенных Штатов, Гражданской войны, предыдущих паник 1873 и 1893 гг. и нынешней Паники 1907 года, был в конечном счете поставлен в такие условия, что примирился с решением, предложенным теми, кто вызвал все эти события: международными банкирами.

Таким решением был центральный банк.

Человеком, которого банкиры использовали для внесения законопроекта о создании центрального банка, являлся сенатор от Род Айленда - Nelson Aldrich, Масон, а по материнской линии дед братьев Рокфеллеров - Дэвид, Нельсона и др. Он был назначен в Национальную комиссию по денежному обращению и отвечал "за тщательное изуче-

ние принятой финансовой практики перед тем, как сформулировать закон о банковской и денежной реформе".

Как необходимо отметить, заговорщики не хотели, чтобы американский народ знал, что они уготовили ему в будущем: центральный банк. Закону суждено было появиться не из-под пера группы законодателей, а кучки банкиров, в большинстве своем связанных с человеком, ответственным за Панику 1907 года, - Дж. П. Морганом.

Перед заговором стояла еще одна проблема. Они должны были "избегать названия Центральный банк, и для этой цели они прибегли к названию Федеральная резервная система. Она будет принадлежать частным лицам, которые станут извлекать прибыль, владея акциями, и контролировать выпуск национальной валюты; она (ФРС. - Прим. перев.) начнет распоряжаться всеми финансовыми ресурсами страны; и она будет способна мобилизовывать и отдавать Соединенные Штаты в залог, втягивая их в серьезные войны за рубежом".

Способ, примененный заговорщиками для обмана американского народа, заключался в делении Федеральной резервной системы на двенадцать округов так, чтобы американский народ не мог назвать банк "центральным банком". То обстоятельство, что у двенадцати округов был один управляющий, называемый Председателем Федерального Резерва, очевидно, должно было считаться не относящимся к делу.

Что же получил американский народ от Федеральной резервной системы?

Сама Система издаст недорогое пособие под названием The Federal Reserve System, Purposes and Functions (Федеральная Резервная Система. Цели и функции), используемое в учебных заведениях для объяснения деятельности Системы студентам, особенно в курсе "Деньги и банковские операции".

Эта книжечка объясняет функции Федерального Резерва: "Практичное денежное устройство является необходимым для... государства... Назначение Федерального Резерва — обеспечить движение денег и кредита, которое поможет упорядоченному экономическому росту, устойчивости доллара и долгосрочному балансу в наших международных платежах".

Находились люди, и тогда возражавшие против создания Системы, которые делали свой протест достоянием общественности. Одним из таких людей был конгрессмен Чарльз Линдберг-старший.

Конгрессмен Линдберг предупредил американский народ, что Закон о Федеральной резервной системе "...учредил самый большой трест на свете. Когда Президент подписывает этот закон, невидимое правительство властью денег... будет узаконено. Новый закон будет создавать инфляцию, когда бы тресты ни пожелали этого. Отныне депрессии будут создаваться на научной основе".

Конгрессмен попал в самую точку: Федеральная резервная система была создана, чтобы обеспечить критические ситуации в экономике.

Что же создали те, кто назвал систему "Федеральной"? Было ли это действительно "Федеральной" резервной системой?

Это "частная организация, поскольку банки-участники владеют всеми акциями, на которые они получают свободные от налогов дивиденды; она должна платить почтовый сбор, как и любая другая частная корпорация; ее служащие не находятся на государственной службе; она может тратить по своему усмотрению;

... и ее материальное имущество, принадлежащее ей согласно документам, устанавливающим частное владение, подлежит местному налогообложению".

На самом деле выборные должностные лица Америки знали, что "Федеральная" резервная система не является федеральной. В обращениях к американскому народу не-

давние Президенты - Ричард Никсон, Джеральд Форд и Джимми Картер присоединились к утверждениям д-ра Артура Бернса, бывшего главы Системы, Ассошиэтед Пресс, Палаты представителей в начальном пособии по Системе, и прочим, что Система является "независимой" (или что-то в этом роде).

Другими словами, эти люди и организации знают, что система не является "Федеральной". Ею владеют и управляют частным образом.

Другой конгрессмен, уже после конгрессмена Линдберга, также предупреждал американский народ об опасностях не-федеральной Федеральной резервной системы. Конгрессмен Wright Patman, Председатель Комиссии по банкам и денежному обращению Палаты представителей, сказал: "Сегодня в Соединенных Штатах мы имеем, по существу, два правительства. У нас есть должным образом составленное правительство. Помимо этого, у нас есть независимое, неконтролируемое и некоординированное правительство в лице Федеральной резервной системы, оперирующее финансовыми полномочиями, которые по Конституции предоставлены Конгрессу".

В 1913 году, когда Резервная система была создана, денежная масса на душу населения составляла около 148\$. К 1978 году она составляла 3.691\$.

Стоимость доллара 1913 года, принятая за единицу, к 1978 году уменьшилась приблизительно до 12 центов.

В январе 1968 года количество денег составляло 351 миллиард долларов, а в феврале 1980-го оно равнялось 976 миллиардам долларов — увеличение до 278 процентов. По существу, количество денег удваивается примерно каждые десять лет. Однако странно: как говорят американскому народу, такое увеличение денежной массы не ведет к инфляции. Хотя в словарях определение инфляции гласит, что увеличение денежной массы всегда вызывает инфляцию.

Федеральная резервная система признает, что способность вызывать инфляцию остается в ее силе: **"Так, окончательная способность увеличения или уменьшения денежного притока в экономику остается за Федеральным Резервом"**.

Кроме способности создавать приносящий проценты долг, Федеральная резервная система также способна создавать экономические циклы посредством увеличения и уменьшения количества денег и кредита. Первая серьезная возможность создать депрессию таким образом представилась в 1920 году, когда Федеральный Резерв устроил то, что получило известность как Паника 1920 года.

Одним из тех, кто увидел, как это стало результатом предварительного экономического планирования, был конгрессмен Линдберг, в 1921 году написавший следующее в своей книге "Экономические тиски" (Economic Pinch): "Согласно Закону о Федеральном Резерве, паники создаются на научной основе; данная паника была первой, созданной научно, она была просчитана подобно математической задаче".

Процесс протекает следующим образом: Система увеличивает денежную массу (с 1914 по 1919 г. количество денег в Соединенных Штатах почти удвоилось). Затем средства массовой информации внушают американскому народу брать большие количества денег в кредит.

Как только деньги уходят в долг, банкиры сокращают денежную массу, требуя возврата невыплаченных долгов. В целом этот процесс показал сенатор Роберт Л. Оуэн, Председатель комиссии Сената по банкам и денежному обращению, который сам был банкиром. Он писал, что в начале 1920 года фермеры процветали. Они сполна расплачивались по закладным и приобретали много земли; по настоянию правительства они занимали для этого деньги, а затем, из-за внезапного сокращения кредита, происшедшего в 1920 году, они обанкротились.

Случившееся в 1920 году являлось полной противоположностью тому, что должно было иметь место.

Вместо ликвидации избытка кредитов, созданного в годы войны, Правление Федерального Резерва собралось на совещание, о котором общественность не знала.

Эта тайная встреча состоялась 16 мая 1920 года.

На ней присутствовали только крупные банкиры и результатом их работы в тот день было сокращение кредита (указание банкам требовать возврата невыплаченных долгов), следствием чего явилось уменьшение национального дохода в следующем году на пятнадцать миллиардов долларов, потеря работы миллионами людей, и снижение стоимости земель и крупных фермерских хозяйств на двадцать миллиардов долларов.

Благодаря этому сокращению в руки банкиров попали не только огромные количества фермерской земли, но и большое число банков тех, кто не мог удовлетворить требования Федерального Резерва и был вынужден продать свои банковские активы по заниженной цене тем, у кого были средства приобрести несостоятельные банки (Паника 1920 года разорила 5 400 банков).

Паника 1920 года удалась, и ее успех побудил банкиров спланировать еще одну: Крах 1929 года.

Федеральный Резерв увеличил денежную массу с нижнего уровня в 31,7 миллиарда долларов в 1921 году до верхнего — 45,7 миллиарда долларов в 1929 году, что примерно составило 144 процента.

Чтобы направить этот прирост денежной массы в экономику, отдельные банки могли занять деньги у Федерального Резерва и переодолжить их покупателям. Деньги занимали под 5 процентов, а ссужали под 12 процентов.

Дополнительным фактором увеличения денежной массы, т. е. денег Федерального Резерва, являлись деньги, предоставляемые большими корпорациями, которые ссужали покупателей на Уолл-Стрите из своих резервных фондов. Эти займы из небанковских источников приблизительно равнялись таковым же, предоставленным банковской системой.

Возможно ли, чтобы Федеральный Резерв планировал все именно так, как это и произошло? Возможно ли, чтобы банки, знавшие, как будет вестись игра, избавились от акций, пока цены стояли высоко, и вернулись на рынок, когда они стали низкими? Возможно ли, чтобы некоторым банкам было известно о надвигающемся крахе, и все, что от них требовалось для покупки обанкротившихся банков, — это дожидаться банкротства, а затем скупить попавшие в беду банки всего лишь за часть их истинной стоимости?

После Биржевого Краха 1929 года даже случайные наблюдатели были вынуждены отметить, что право владения в банковской системе изменилось. Фактически, сегодня "100 из 14 100 банков (менее 1%) контролируют 50% банковских активов страны. Четырнадцать крупных банков владеют 25% депозитов".

Одним из очевидцев биржевого краха был Уинстон Черчилль, которого Бернард Барух привел на фондовую биржу 24 октября 1929 года. Некоторые видные историки убеждены, что Черчилль привели непосредственно присутствовать при крахе, поскольку было желательно, чтобы он увидел могущество банковской системы в действии. Хотя множество держателей акций было вынуждено продать свои акции, обычно не задается вопроса: кто покупал все продававшиеся акции. В книгах по истории обычно рассуждают обо всем, связанном с продажами, происходившими во время краха, но помалкивают обо всех покупках.

Джон Кеннет Гэлбрейт в своей книге "Великий крах 1929" (The Great Crash 1929) писал о покупателях: ничто не могло

быть более искусно задумано, чтобы до предела увеличить страдание, а также обеспечить очень немногим возможность избежать общей беды.

Удачливые биржевики, имевшие средства удовлетворить первое требование о внесении дополнительного обеспечения, тут же получали другое, не менее срочное, и если справлялись с этим, то получали еще одно.

В конце концов, из них выжимали все деньги, которые у них были, и они теряли все.

Человек, оставшийся при больших деньгах благодаря неофициальной информации, который к началу первого краха благополучно находился вне рынка, естественно возвращался, чтобы скупить все почти даром.

Естественно!

Одним из таких "удачливых биржевиков", вовремя избавившимся от акций, был Бернард Барух, тот самый, который привел Уинстона Черчилля присутствовать при крахе. Он сказал: "Я начал ликвидировать свои акции и вкладывать деньги в облигации и запас наличности. Я также купил золото".

Немногие понимали, что происходило с американским народом благодаря этим махинациям банкиров. Одним из этих немногих был конгрессмен Луис МакФэдден. *"Когда был принят Закон о Федеральном Резерве, наш народ не осознал, что в Соединенных Штатах устанавливается мировая банковская система, — сказал он. — Это сверх-государство, управляемое международными банкирами и международными промышленниками, действующими заодно, чтобы подчинить мир своей собственной воле."*

Она управляет всем, что происходит здесь, и контролирует все наши зарубежные связи.

Она произвольно создает и уничтожает правительства".

После того, как биржевой крах миновал, конгрессмен МакФэдден заявил, что "денежные и кредитные ресурсы Соединенных Штатов отныне полностью контролируются банковским альянсом — группой First National Bank Дж. П. Моргана и National City Bank Куна-Леба".

23 мая 1933 года МакФэдден выдвинул обвинения против Правления Федерального Резерва, учреждения, которое, по его мнению, вызвало Биржевой Крах 1929 года. Среди прочих обвинений были и такие:

"Я обвиняю их... в присвоении более 80 000 000 000 \$ (восемьдесят миллиардов долларов) правительства Соединенных Штатов в 1928 году..."

Я обвиняю их... в произвольном и незаконном повышении и понижении цены на деньги... увеличении и уменьшении объема денежной массы в обращении в частных интересах..."

И далее МакФэдден разъяснил, кого он имеет в виду под теми, кто извлек выгоды из краха, включив сюда международных банкиров: "Я обвиняю их... в заговоре с целью передачи иностранцам и международным ростовщикам права собственности и управления финансовыми ресурсами Соединенных Штатов..."

Затем он заканчивает заявлением, что причина депрессии не была случайной: **"Это было тщательно подготовленное событие... Международные банкиры пытались создать условия отчаяния с тем, чтобы они могли появиться как правители всех нас"**.

МакФэдден дорого заплатил за свои попытки объяснить причины депрессии и биржевого краха: "Два раза наемные убийцы пытались застрелить МакФэддена; впоследствии он умер через несколько часов после банкета, где почти наверняка был отравлен".